

---

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

---

*Крэйг Брэндист*

## **Бахтин, социология языка и роман**

Статьи Михаила Бахтина о романе, написанные в 1930-е гг., являются, возможно, самым оригинальным, влиятельным и ценным его вкладом в изучение европейских языков и литератур. Границы этой оригинальности, впрочем, практически не подвергались системному анализу, поскольку большинство комментаторов ограничивалось восторгами по поводу смелого смешения в этих статьях социолингвистических и литературных мотивов. Истоки бахтинских идей о романе постепенно начали попадать в поле зрения исследователей начиная с 1980-х гг., но истоки социолингвистических идей, положенных в основу этих статей, оставались неисследованными; несмотря на то, что существует качественная разница между лингвистическими концепциями волошиновских текстов и бахтинских статей 1930-х гг., по меньшей мере, в плане анализа исторического развития языка и речевых отношений в обществе и моделирование этих явлений в романе как жанре. Вопреки распространённому взгляду, однако, рассмотрение Бахтиным социологии и истории языка отнюдь не оригинально, будучи по большей части сорентированным на очень интересные дискуссии о языке в Советском Союзе тех лет, хотя Бахтин и приспособливает заимствованные им идеи весьма характерным образом. Работы Бахтина 1930-х гг. были связаны с тогдашней советской наукой намного более тесно, чем это принято

полагать, и особого внимания здесь заслуживает то, чем он обязан некоторым попутчикам марризма. Если кому-то очень хочется найти что-либо оригинальное в бахтинских статьях 1930-х гг., то ему следует вести поиски не в круге самих идей о языке, обществе и истории, а в тех способах, какими ранняя советская социалингвистика была вплетена в теорию романа.

Члены Бахтинского круга начали высоко оценивать работы Николая Марра, по крайней мере, с 1922 года, и это отношение не изменилось даже после знаменитого осуждения Сталиным Марра в 1950 году<sup>1</sup>. Хотя это не значит, что они принимали все самые крайние аспекты марристской доктрины, шаткое положение Бахтина после ареста заставило его обратиться к тем элементам марризма, которые показались ему наиболее подходящими для того, чтобы реабилитировать себя в глазах научного сообщества<sup>2</sup>. Марризм легитимизировал использование любимого Бахтиным марбургского неокантианства (по крайней мере в «гегельянизированной» форме, развиваемой Эрнестом Кассирером), потому что неокантианство стало частью марристской стадияльной теории языка и культурного развития<sup>3</sup>. Менее важен, чем приверженность Бахтина идеям самого Марра, был его отклик на работы других, более значительных, чем Марр, лингвистов, литературоведов и фольклористов, которые работали, какое-то время, в рамках марристской парадигмы. Наиболее заметные из них — литературоведы Израиль Франк-Каме-нецкий и Ольга Фрейденберг, а также три ленинградских лингвиста, оказавших существенное влияние и на Бахтина, и на Волошинова с Медведевым: Лев Якубинский, Борис Ларин и Виктор Жирмунский. В данной статье в центре внимания будут именно лингвисты<sup>4</sup>. Все трое, как правило, не поддерживали крайности марризма, однако марристская программа направила их работу в своеоб-

разном и продуктивном направлении. Как Жирмунский вспоминал через некоторое время, концепции Марра хотя и основывались на сомнительных принципах, тем не менее содержали «творческие и плодотворные мысли, которым большинство из нас (в особенности ленинградских лингвистов) обязано общей перспективой наших работ. К таким общим установкам я отношу прежде всего борьбу Марра против узкого евроцентризма традиционной лингвистической теории, стадияльно-типологическую точку зрения на развитие языков и их сравнение независимо от общности их происхождения, поиски в области взаимоотношения языка и мышления и то, что можно называть семантическим подходом к грамматическим явлениям»<sup>5</sup>.

Кажется, марризм точно так же вдохновлял Бахтина, и его работа находилась в русле научной деятельности, сконцентрированной в начале 1930-х гг. вокруг Государственного института речевой культуры (ГИРК, прежний ИЛЯЗВ — Институт сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока). Учёные в ГИРКе — такие, как Жирмунский, Якубинский и Ларин, — искали «связи между языком и социальной структурой общества и сменой общественных формаций»<sup>6</sup>. Это вело, *inter alia*, к развитию советской диалектологии и позволяло развивать работу таких передовых ученых, как Измаил Срезневский, Алексей Шахматов и Иван Бодуэн де Куртенэ.

Легко увидеть, как эти исследования могли снабдить Бахтина богатым материалом для его движения в середине 1930-х гг. к историческому изучению форм речевого взаимодействия в литературе. Оказавшись в ссылке в небольшом казахстанском городе с апреля 1930 по сентябрь 1936 гг., Бахтин был принуждён с повышенным вниманием относиться к работам ленинградских лингвистов. Теперь он лишился поддержки Волошинова в том, что касается лингвистических идей, и был ограничен

в доступе к научным материалам. Одним из изданий, к которым он, как мы можем с большим основанием предположить, сохранил доступ, был широко распространявшийся центральный журнал «Литературная учёба», тогда редактировавшийся Максимом Горьким<sup>7</sup>. Статья Волошинова о стилистике художественной речи появилась в номерах 2, 3 и 5 за 1930 год<sup>8</sup>, параллельно прошла серия статей Якубинского, директора лингвистического отделения ГИРКа и ИЛЯЗВа, где учился Волошинов. Будучи сначала сторонником русского формализма и членом ОПОЯЗа, Якубинский дистанцировался от этого движения после Октябрьской революции и примкнул с Марром к ИЛЯЗВу в 1923 году<sup>9</sup>. В своих статьях 1930–31 гг. Якубинский, несомненно, всё ещё работал на марристскую программу, устанавливая классовую структуру языка и анализируя, как эта структура изменялась с развитием капитализма в России и изменяется в эпоху диктатуры пролетариата. Эти статьи и книга, которая стала их результатом, были не раз отмечены Жирмунским, за представленную в них новаторскую модель отношений между социальными диалектами и формированием национального языка<sup>10</sup>. Можно увидеть, почему эти сообщения так впечатлили Бахтина. Бахтин уже знал работы Якубинского как важный источник идей Волошинова о диалоге и, как представляется, критики последним Соссюра<sup>11</sup>. Как и статья Волошинова о стилистике, статьи Якубинского были прямо предназначены для просвещения молодых писателей в языковой политике, об этом свидетельствует название первой статьи: «О работе начинающего писателя над языком своих произведений»<sup>12</sup>. В данной серии статей Якубинский очертил «классовый состав» современного русского языка и «языковую ответственность писателя» в этом отношении<sup>13</sup>. Эта нравственная проблема играет важную роль и в работе Бахтина 1934–35 гг. «Слово в романе».

Прежде чем обратиться к Бахтину, нам необходимо обозреть некоторые аспекты лингвистических работ Марра<sup>14</sup> и дать детальное описание статей Якубинского.

### *Часть 1: Марр*

Самый важный для наших целей аспект работ Марра — это идея, что язык воплощает форму мысли и что язык проходит несколько стадий, от языка жестов в доклассовом обществе до множества фонетических языков при капитализме<sup>15</sup>. Только в конце 1920-х гг. Марр согласовал всё это с довольно вульгарной версией марксизма. Язык, как часть идеологической настройки общества, проходит определенные этапы развития, но эти этапы (теперь у Марра) стали соответствовать формам экономической организации. Существенно, однако, что языковой материал рассматривается как вневременной, а исторический язык сохраняет следы всех предшествующих стадий. Согласно марровской, несомненно, натянутой формулировке, грамматические формы языка, как и его идеологическое содержание, детерминированы экономическими факторами, так что при примитивном коммунизме существует лишь один «диффузный» язык, с началом разделения труда возникают различные профессиональные языки, и в классовом обществе появляются различные классовые языки. Таким образом, в современных капиталистических обществах мысль о существовании общенационального языка является мифом.

Бахтин в значительной степени принял идею, что национальный язык основательно расколол в соответствии с общественным разделением, в котором класс занимает важное место. Однако существовала фундаментальная ревизия аргументации Марра, позволившая Бахтину принять

---

социальную стратификацию, но отвергнуть мысль, что разные социальные группы говорят на различных языках. Этой ревизией был функциональный анализ, осуществлённый Якубинским в его статьях 1930–31 гг.

## *Часть 2: социология языка Якубинского*

### *Язык как форма и как идеология*

Принимая некоторые аспекты марризма, Якубинский оставался под сильным влиянием своего учителя Бодуэна де Куртенэ, который считал, что языковые изменения управляются стремлением ума «достигнуть соответствия, гармонии, между содержанием и формой» в конкретных социальных обстоятельствах<sup>16</sup>. Якубинский привёл это противостояние в согласие с марксистскими принципами, более тщательно социологизируя и историзируя социопсихологические разъяснения своего наставника. Язык теперь понимался им как имеющий две фундаментальные функции: «1) *язык как средство общения* и 2) *язык как идеология*». Все другие функции языка, вроде тех, которые Волошинов заимствовал у Карла Бюлера<sup>17</sup>, изымались из этой дихотомии. Однако «*обе эти основные функции ни в коем случае нельзя отрубать одну от другой: во всяком своём проявлении язык выступает сразу в обеих этих функциях*». По Якубинскому, «язык есть *единство* этих функций, и показывает, как, на разных этапах развития общества, эти две стороны языка, как единства, вступают в *противоречие* между собой и как это противоречие, определяемое социально-экономической обстановкой, выступает *внутренним двигателем* в развитии языка»<sup>18</sup>. Именно это разграничение позволяет применить стадильную теорию Марра (без сопровождаю-

щей её абсурдности) к структурной характеристике языка.

Язык как идеология в капиталистическом обществе имеет черты, характерные для всех стадий его развития. С одной стороны, язык-идеология представляет собой то, что неокантианцы называли «objective validity» (т.е., «неизбежной формой нашего сознания»), но «соответствующую уровню образования и дифференциации надстроечного мира». Якубинский прямо указывает здесь на Марра, утверждая, что «на заре своего существования <...> как <...> самостоятельной идеологии» язык был «одной из форм существования большинства других идеологий (религиозной, правовой, научной, политической и пр.)»<sup>19</sup>. Язык-идеология здесь стратифицирован по профессиональному признаку, как на марровской второй стадии<sup>20</sup>. С другой стороны, язык-идеология является также воплощением специфических мировоззрений, присущих различным социальным группам. Это соответствует тому, как Марр характеризует третью стадию. История классового общества — это история классовых идеологий, пребывающих в борьбе, которая достигает своего пика при капитализме, когда общий язык как средство общения «становится формой сосуществования классово-различных сознаний (психологий)».

Исторические превращения национального языка и идеологической дифференциации трактуются, таким образом, как две стороны одной и той же проблемы. Форма коммуникации и идеологическое содержание понимаются как нечто единое (но не смешанное) в языке. Так, *«расширение сферы действия языка как средства общения, — пишет Якубинский, — сопровождается другим процессом (вернее — это две стороны одного и того же процесса), т.е. «процесса классовой дифференциации языка как идеологии»: «Тот же самый капитализм, который максимально дифференцирует язык, (если сохра-*

нять авторскую пунктуацию) как идеологию, стремится превратить его в общенациональное средство общения. Таким образом, язык, сложившийся в капиталистическом обществе, характеризуется максимальным обострением того внутреннего противоречия, о котором говорилось выше. Это противоречие может быть сформулировано как противоречие всеобщности языка, как средства общения (форма), и классовой дифференциации языка, как идеологии (содержание)»<sup>21</sup>.

Разделение между «формой» и «содержанием» в таком смысле для Якубинского составляет методологическую предпосылку его тщательного и изощрённого анализа формирования русского национального языка.

### ***Формирование русского национального языка***

Якубинский начинает свой анализ с изучения языка крестьян при феодализме, когда общество «распадалось на ряд языковых районов, соответствующих феодальным поместьям». Феодальные языковые отношения в основном отличались региональной «*отграниченностью*» и «*замкнутостью*». В феодальном обществе «крестьяне говорили в разных районах по-разному, а внутри района вырабатывали естественно общие черты языка, хотя и могли сохранить черты различия, унаследованные от предшествующих эпох»<sup>22</sup>.

Из-за неравномерного развития капиталистических отношений в пределах структуры феодального общества языковые отношения начали меняться. Эти новые отношения прежде всего проявлялись в растущих городах, где с самого начала население было смесью из жителей разных феодальных поместий. В итоге возник общий разговорный язык, «отражающий черты тех поместных диалектов,

население которых пришло в город и осело в нём». Язык каждого из городов, однако, формировался в условиях возрастающего, усиливающегося взаимодействия между городами на основе разговорного языка крупнейших общественных центров. Это создаёт ядро общенационального языка, который развивается, (по мере того, как буржуазный капитал сосредотачивается в руках все более узкого круга лиц) когда буржуазия сконцентрировала богатства в немногих руках, централизуя производство, а значит и население, и осуществляя политическую централизацию. Перефразируя Маркса, Якубинский пишет, что «языковая общественность становится всё менее похожей на тот мешок с диалектами, которым она была при феодализме». Придавая ранее схематичному анализу центробежных и центростремительных сил внутри языка некоторую социологическую конкретность, Якубинский утверждает, что формирование национального языка — это *«тенденция (стремление) к общности»*, развитие которой зависит от таких факторов, как прибытие новых крестьян со своими диалектами, степень капиталистического развития и масштаб капиталистического центра. Ещё важнее, впрочем, что городское население делится на классы и прослойку «профессиональной интеллигенции»: *«степень общности языка разных общественных классов капиталистического города — различна*. Разные классы обобщают свой язык в разной степени в зависимости от того, насколько их понуждают к этому их объективные классовые интересы и насколько допускают это обобщение объективные политические условия, в которых существует и развивается данный класс». Интерес пролетариата заключается в обобщении языка, но, как политически подчинённый, эксплуатируемый и подавленный класс, пролетариат не способен стать «классом для себя». Так противоречия капитализма одновременно и стимулируют, и ограничивают

---

развитие общенационального языка<sup>23</sup>.

### *Публичная речь и её жанры*

По Якубинскому, «капитализация» языковых отношений решительным образом связана с развитием «*публичной речи*», которая отличается от речи разговорной как числом возможных участников, так и длиной высказываний. Повторяя один из пунктов своей статьи 1923 года, Якубинский пишет, что «разговор есть обмен короткими репликами (диалог)», тогда как высказывания «публичной речи» являются «развёрнутыми, длительными, монологическими»<sup>24</sup>. Кроме того, публичная речь, как правило, изложена в письменной форме. («Аудитория» или «трибуна» для публичной речи возникает лишь как результат «капитализации» языковых отношений, ибо «публичная речь начинает “процветать” в парламенте и на суде, в высшей школе и на публичных лекциях, на митингах и заседаниях; даже площадь становится её площадкой»<sup>25</sup>: «Парламентская речь, выступление на диспуте или на митинге, политический доклад, речь адвоката или прокурора, уличная речь-агитка и т.д. и т.д. — вот жанры публичной речи, присущие именно капитализму при сравнении его с феодализмом, независимо от того, что зачатки их мы находим и при феодализме. Капитализм разговаривает публично неизмеримо больше и иначе, чем феодализм. Публичное говорение при феодализме узко специализировано, ограничено узкими областями общественности; публичное говорение при капитализме претендует на всеобщность; оно хочет быть такой же всеобщей формой, как и разговорный язык. <...> Обрастая различными жанрами устной публичной речи, капиталистическая общественность обростает и соответствующими

жанрами письменности».

При капитализме происходит широкое развитие многообразных жанров публичной речи, но одновременно ограничивается доступ большей части населения к этим жанрам. «Капитализму присуща тенденция (стремление) превратить публичную речь в такую же всеобщую форму речевого общения, как разговорный язык», но из-за свойственного капитализму *«предела и противоречий»*, «всеобщность публичной речи остаётся в капиталистическом мире таким же мифом, как свобода, равенство и многие другие хорошие вещи»<sup>26</sup>.

### *Языковая унификация и речевая дифференциация*

Следующие пункты, занимающие Якубинского: «1) как крестьянство приспосабливается к возникающему в капиталистическом обществе разговорному языку и 2) как крестьянство приобщается к процессу превращения публичной речи во всеобщую форму общения на основе новых (чуждых феодализму) её жанров»<sup>27</sup>. Этот двойной вопрос приводит к трём тезисам: а) усвоение крестьянством общегородского языка происходит неравномерно, в зависимости от разнообразия социальных групп в данной деревне, распространения и характера капиталистических центров и вообще проникновения рыночных отношений в деревню; б) процесс приобщения развивается не прямолинейно, в результате сопротивления общегородскому языку и, следовательно, с) приобщение для части крестьян является результатом, по большей части, осознанного процесса. Нам особенно интересен третий тезис. По Якубинскому, движение крестьянства к общегородскому языку — это «сознательный акт»: «Капитализм,

противопоставляя местному говору общегородской язык, этим самым вводит в сознание крестьянства языковые факты, заставляет их замечать, осознавать, оценивать эти факты. Неосознанный язык, *язык в себе, он превращает в язык для себя*. Нарушая феодальную неподвижность, традиционность крестьянской языковой общности на основе классового расслоения деревни и сложного противопоставления города деревне, капитализм заставляет крестьянство выбирать между своим, старым, местным и новым городским, “общенациональным”. На этой почве возникает борьба, и одним из орудий её становится насмешка, языковая пародия на говор отсталых или новаторов»<sup>28</sup>.

### **От разноязычия к разноречию**

Переходя к языку пролетариата, Якубинский утверждает, что пролетариат состоит из нескольких социальных групп, возникших из-за разделения труда: «Эти внутриклассовые группировки не противоречат объективным интересам рабочего класса, поскольку специальный профессиональный словарь употребляется в узкой сфере данного производства, а не проникает в *весь* язык рабочего. Не отделяет его *целиком* в отношении языка от рабочего другой профессиональной группы».

Из этого следует, что языковые отношения между языковыми группами, образовавшимися по профессиональному признаку, в капиталистическом обществе резко отличаются от подобных же отношений при феодализме, где «замкнутые» группы развивали свои собственные взаимно непонятные языки. Профессиональная стратификация языка внутри пролетариата, таким образом, сильно отличается от «разноязычия», которое пролетариат

наследует от крестьянства. Это последнее противоречит объективным интересам рабочего класса и должно быть «ликвидировано» в процессе формирования независимого пролетарского языка<sup>29</sup>.

Трансформируясь из «класса в себе» в «класс для себя», пролетариат должен развивать свой собственный язык в противопоставление языку буржуазии. Проявляться эти различия должны (и здесь Якубинский значительно отдалается от концепции Марра) не в произношении, грамматике или словаре, а в *«речевом методе»* пролетариата. Он заключается «в *способе использования* языкового материала, в *обращении* с этим материалом, в *способе отбора* из него нужных для конкретной цели фактов, в своём *отношении* к этим фактам и их оценке». Этот «пролетарский речевой метод стихийно создаётся самой массой рабочего класса в обстановке классово-борьбы пролетариата с буржуазией в порядке повседневного разговорного общения и конструируется передовыми языковыми работниками идеологами пролетариата (литераторами и ораторами) в различных жанрах устной и письменной публичной речи; по вполне понятным причинам процесс оформления пролетарского речевого метода захватывает в первую очередь политический, философский, научный жанр публичной речи».

После захвата пролетариатом политической власти этот процесс получает «массовый характер» и охватывает «все речевые жанры»<sup>30</sup>.

Серия статей Якубинского заканчивается характеристикой текущей «языковой политики» в период культурной революции. Необходимо избегать излишне технической лексики, ассоциирующейся с «буржуазными специалистами», заменяя её «научно-популярным языком»<sup>31</sup>. При диктатуре пролетариата общенациональный язык должен быть «общ в тенденции всем жанрам речи».

Он будет «тем “демократичнее”, тем доступнее для всего “народа”, чем менее он дифференцирован по жанрам», преодолевая огромную дифференциацию «освоения действительности в речевых жанрах», свойственную капитализму<sup>32</sup>. Развитие общенационального языка и, таким образом, победа над «разноязычием» вполне достижимы, поскольку доставшееся от капитализма противоречие между городом и деревней может быть упразднено, а угнетение прежде подавленных классов может прекратиться. Пролетариат — универсальный класс, его цель — уничтожение раз и навсегда классовой структуры, и потому национальный язык может сейчас «стать общим для всех классов общества»<sup>33</sup>.

### *Часть 3: Бахтин*

#### *Социальная история языка*

Социологический подход Бахтина далёк от оригинальности. Многие его идеи были твёрдо установившимися ещё до революции 1917 года. Например, Бахтин описывает категорию единого языка как «выражение исторических процессов языкового объединения и централизации, выражение центростремительных сил языка». Однако существуют и действуют также «центробежные» силы. В ставшем уже знаменитом отрывке Бахтин утверждает: «Язык в каждый данный момент его становления расслоён не только на лингвистические диалекты в точном смысле слова (по формально-лингвистическим признакам, в основном — фонетическим), но, что для нас здесь существенно, на социально-идеологические языки: социально-групповые, “профессиональные”, “жанровые”,

языки поколений и т.д.»<sup>34</sup>.

Мысль о действии противоборствующих сил в национальном языке и культуре была к концу 1920-х достаточно распространенной в нескольких научных дисциплинах. Оба влиятельнейших учителя Якубинского, Бодуэн де Куртенэ и Шахматов, называли борьбу центростремительных и центробежных сил решающим фактором в истории языка. Бодуэн говорил об этом в своей инаугурационной лекции в Санкт-Петербургском университете уже в 1870 году, а Шахматов возродил эту идею в своей монографии «Очерк древнейшего периода истории русского языка» (1915)<sup>35</sup>. Вне пределов собственно лингвистики в 1892 году Вильгельм Вундт<sup>36</sup> отметил победу централизации в языке, литературе, мировоззрении и социальной жизни нации над «центробежными» силами различных классов и сообществ, тогда как в 1929 году старейший ориенталист и фольклорист Сергей Ольденбург утверждал, что «взаимодействие между различными социальными кругами — явление не менее важное, чем между человеческими расами» ('interactions between different social milieux are phenomena no less important than those between races or peoples') и что «тенденции к дифференциации всегда противостоят тенденции к объединению» ('to the tendencies toward differentiation are always opposed the tendencies toward unification'). Далее, Ольденбург утверждал также, что осознание этого приводит к отмене «искусственного разделения между народной и ненародной» литературой ('artificial distinction between popular and nonpopular' literature)<sup>37</sup>. Бахтину необходимо было только привязать эти идеи к социологии языка и провести свой анализ этих борющихся сил в «Слове в романе». И Якубинский, кажется, послужил его главным источником.

Бахтин открывает свою статью о романе тезисом, что его основная задача — преодоление разрыва между

«отвлечённым “формализмом” и отвлечённым же “идеологизмом” в изучении художественного слова <...> ...форма и содержание едины в слове, понятом как социальное явление, — социальное во всех сферах его жизни и во всех его моментах — от звукового образа до отвлечённейших смысловых пластов». Эта мысль определила в целом его акцент на «стилистике жанра», в которой стилистические явления связываются с «основными социальными путями жизни слова» и с «большими историческими судьбами <...> жанров»<sup>38</sup>. Эта методологическая посылка, как представляется, была заимствована из сформулированной Якубинским характеристики языка как единства, но не тождества форм коммуникации и идеологического содержания (что обсуждалось выше).

Подобно Якубинскому, Бахтин решительно заявляет, что в рамках национального языка имеются сосуществующие диалекты, *разноязычие*, и социальные языки, *разноречие*. Последние не являются диалектами в точном (лингвистическом) смысле, но соотносимы с социальными (профессиональными, классовыми и т.д.) функциями. Значимость этого разделения, к сожалению, была затемнена тем, что два разных слова «разноязычие» и «разноречие» настойчиво переводились на английский язык с помощью одного слова: «heteroglossia»<sup>39</sup>. Например, Бахтин пишет, что «эта разноречивость <...> не выходит за пределы лингвистически единого (по абстрактным языковым признакам) литературного языка, не переходит здесь в подлинное разноязычие», которое требует «знания разных диалектов и языков»<sup>40</sup>. Централизирующие и децентрализирующие силы, таким образом, одновременно действуют на язык в процессе его формирования, но в разных направлениях, а именно: языковая однородность присутствует вместе с речевой дифференциацией. «Подлинная среда высказывания, в которой оно живёт и фор-

мируется», — это, следовательно, «диалогизированное *разноречие*». Различные языки «диалогизировались» только потому, что они взаимодействовали в общей среде единого языка; это было бы невозможно без общего языка (разноязычие) и при замкнутости социальных функций. Различные высказывания встречаются в едином языке, и таким образом разноречие, “безымянное и социальное<, > как язык», становится «конкретным, содержательно-наполненным и акцентуированным», как индивидуальное высказывание<sup>41</sup>. В процессе формирования языка, поэтому, борющиеся тенденции не сталкиваются механически, а находятся в диалектическом противоречии, следствием чего являются исторические изменения, приносящие как объединение средств коммуникации (язык), так и социально-функциональную или идеологическую дифференциацию (разноречие), которую объединенный язык вынужден в себя вобрать. Язык понимается как «идеологически наполненный», «как мировоззрение и даже как конкретное мнение, обеспечивающий максимум взаимного понимания во всех сферах идеологической жизни»<sup>42</sup>, он развивается, скорее, по спирали, чем по прямой линии.

Неясность аргументации Бахтина здесь усугубляется очень неточным использованием терминологии. Сразу чувствуется философ, не до конца проникший во все тонкости лингвистической теории. Применение Бахтиным терминологии стало гораздо убедительнее в начале 1950-х: к этому времени произошло его более основательное знакомство с тогдашней лингвистикой<sup>43</sup>. Другие уязвимые аспекты статей 1930-х гг. — недостаток конкретно-исторического материала и тенденция Бахтина переосмысливать материал из исторических источников как часть неогегельянской «идеальной истории» методов мышления, в которой «сущность» формы (в частности романа) непременно проявляется на завершающем этапе

её развития. Эти проблемы привели англоязычных переводчиков Бахтина к тому, что им не удалось различить места, в которых он пишет о каком-то конкретном языке, и те, где речь идёт о языке вообще. Как бы то ни было, остаётся немало смутных мест. Отрывая анализ развития языка от его исторического контекста, Бахтин часто склонен представлять социальную стратификацию языка и существование противоположных тенденций как вечный принцип. Впрочем, работы Бахтина о романе оставляют впечатление, что он считает исторические координаты своей теории уже установленными. Если мы осознбем, что статьи Якубинского являются наиболее вероятным источником формулировок Бахтина, то его аргументация станет намного понятнее. Подобным же образом, когда переводчикам не удаётся проследить бахтинское (не очень последовательное) разделение между речью и языком, они затрудняют понимание того, до какой степени это разделение позволяло ему, как и Якубинскому до него, заимствовать элементы марризма и утверждать, что может существовать классовое *разноречие*, но это не означает существования разных *языков*.

### *Речевые жанры*

Наиболее вероятно, что непосредственным источником работы Бахтина о речевых жанрах был Якубинский, который первым предвосхитил эту идею в своей статье 1923 года о диалоге<sup>44</sup>. В статьях 1930–31 гг. Якубинский использовал термин «речевой жанр» практически в том же смысле, что и Бахтин. У Якубинского, впрочем, этот термин был интегрирован в основательный социально-исторический анализ революционных изменений, вызванных в сфере речевых отношений развитием капитализма

в России. И снова мы видим, как Бахтин берёт отдельную формулировку Якубинского и абстрагирует её от исторического контекста, чтобы интегрировать в «идеальную» историю литературы. Интерес Бахтина к этой категории достигает пика в 1951–53 гг., в работе «Проблемы речевых жанров», из которой мы узнаём, что Бахтин рассматривает речевые жанры как типовые формы высказываний, между тем, жанровые характеристики высказываний были прояснены уже в работах круга Бахтина конца 1920-х гг.<sup>45</sup>. Хотя Бахтин, несомненно, развил эту идею, применив к ней свои познания из сферы литературных жанров, она сохранила свой социологический ореол, приданный ей Якубинским в статьях 1930-х. Так, в работе 1951–53 гг. Бахтин называет речевые жанры «приводными ремнями от истории общества к истории языка», — метафора, которую использовал по отношению к языку Марр, а затем преобразил в свою категорию Якубинский<sup>46</sup>. Это вновь подчёркивает значение для Бахтина ревизии марризма Якубинским.

### *«Многоязычие»*

В статье 1940 года «Из предыстории романного слова» Бахтин отмечает значение разрыва языковой изоляции Афин как предпосылки для зарождения важных пародийных жанров, предшествующих современному роману. «Только многоязычие полностью освобождает сознание от власти своего языка и языкового мифа. Пародийно-травестирующие формы процветают в условиях многоязычия и только при нём способны подняться на совершенно новую идеологическую высоту»<sup>47</sup>. Это прекрасный пример того, как Бахтин внедряет социологию языкового развития в России 1920-30-х гг., в идеальную

историю литературных форм.

Термин «многоязычие» (встречавшийся и значительно ранее) был использован, чтобы обозначить сосуществование различных языков в пределах одного города, коллегой Якубинского Лариным в его докладе, прочитанном в ИЛЯЗВе в 1926 и опубликованном в 1928 гг.<sup>48</sup>. Двумя годами позже появился анализ Якубинским того, как приобщение крестьянства к «общегородскому разговорному языку» приводит к сознательному восприятию языка. Якубинский утверждал также, что языковая пародия является ключевой формой в борьбе языков, начавшейся после разрушения «феодальной устойчивости». Бахтин снова изымает доводы Якубинского из их исторического контекста и привлекает к анализу литературных произведений, весьма различных по своему происхождению и историческим координатам. Подобно Якубинскому, он привязывает рост пародийных жанров к разрушению языковой изоляции, но изменяет формулировку, даже не упоминая о проникновении капиталистических отношений в отсталую русскую деревню, а обратившись к анализу литературы поздней античности. Структуру, в которой Бахтин нашёл применение идеям ленинградских лингвистов, уже давно создали Александр Веселовский и Георг Миш. Веселовский описал возникновение романа как продукт взаимодействия культур, а Миш описал «открытие индивидуальности» в жанре автобиографии в период греческой экспансии как «неожиданный результат расширения кругозора при знакомстве с новыми народами и их образом жизни»<sup>49</sup>. Достижение языкового самосознания было, таким образом, обобщено и связано с литературной практикой в условиях *многоязычия*. Как подытожил это Бахтин, «в процессе литературного творчества взаимоосвещение с чужим языком освещает и объективирует именно м и р о с о з е р ц а т е л ь н у ю

сторону своего (и чужого) языка, его внутреннюю форму, присущую ему ценностно-акцентную систему»<sup>50</sup>.

### *Роман*

Необходимо признать, что в 1930-е гг. Бахтин был не лингвистом, а теоретиком романа. По его мнению, роман воплощает образ общества, но это словесный образ словесной структуры общества. Роман — это «микрокосм разноречия»<sup>51</sup>. Якубинский снабдил Бахтина связной моделью социально-языковых отношений, которые являются предварительным условием появления романа как метажанра а также и как объектом его художественного изображения. Бахтин опирался на отчёт Якубинского о недавней истории русского языка, трактуя его как общий отчёт о европейской языковой истории от античности до Ренессанса. Такая стратегия соответствует убеждению Марра в том, что все общества, а следовательно, и все языки прошли через одни и те же стадии развития, хотя и не обязательно в одинаковом темпе. Это также напоминает прежнюю приверженность круга Бахтина к идее приближения «третьего Ренессанса», который должен был бы начаться в России и пронестись по всей Европе<sup>52</sup>. Столь абстрактное использование исторических категорий и собственный философский идеализм приводят Бахтина к явным колебаниям относительно того, является ли роман отдельным феноменом или вечным принципом.

Оригинальность этих работ Бахтина заключается не в описании речевого многообразия национального языка, а в характеристике того, как романист использует это многообразие. Так, «роман научается пользоваться всеми языками, манерами, жанрами, он заставляет все оживающие и дряхлеющие, все социально и идеологически

чуждые и далёкие миры говорить о себе на своём собственном языке и своим собственным стилем». Романист играет центральную роль в демократизации языковых отношений, создавая образ борьбы между языками, которая происходит в различных жанрах устной и письменной речи. Сущность этой борьбы в романе, однако, не просто полемика, но, скорее, искусство, творчество. Слова автора и героя сплавляются воедино и преобразуются в художественный образ, в котором зафиксировано неразрешимое «взаимодействие миров, точек зрения, акцентов»<sup>53</sup>. Если многоязычие периода греческой экспансии было предварительным условием для расцвета пародийных жанров, когда использование языка становилось сознательным действием, то разноречие Ренессанса, переходного этапа от феодализма к капитализму, создаёт условия для расцвета пародийных жанров на более высоком уровне. В этот период не только языки как таковые, но и социальные языки обретают самосознание. Роман является самым что ни на есть пародийным жанром. Это не только язык как таковой, но и «разноречие-в-себе», которое «становится в романе и благодаря роману разноречием-для-себя». Самые передовые романы «идут снизу вверх: из глубины разноречия они поднимаются в высшие сферы литературного языка и овладевают ими»<sup>54</sup>.

В статьях, написанных во время культурной революции, Якубинский представил диктатуру пролетариата как борьбу за то, чтобы осуществились условия для демократии социализма. В 1934–35 гг. Бахтин представил роман как составную часть подобной же культурной революции, кульминацией которой был европейский Ренессанс. К концу 1930-х, однако, было объявлено о построении социализма, исчезновении классовых отношений и проистекающем отсюда идеологическом единстве, заменившем классовую борьбу в языке. В 1940 году Бахтин

мог, поэтому, написать следующее: «Мы живем, пишем и говорим в мире вольного и демократизованного языка; бывшая сложная и многостепенная иерархия слов, форм, образов, стилей, проникавшая всю систему официально-го языка и языкового сознания, была сметена языковыми переворотами эпохи Возрождения»<sup>55</sup>.

По Бахтину, пародийным жанрам сейчас трудно отыскать почву, чтобы подняться к значительным идеологическим высотам, так как национальный язык мало дифференцирован по жанрам. Вероятно, Гоголь, Достоевский и их последователи в России сыграли роль Рабле во Франции и Сервантеса в Испании, писавших на пороге между двумя эпохами, создававших яркие образы и участвовавших в соответствующей «языковой революции». Языковая политика изменилась, но «мир свободного и демократизованного языка» ('world of free and democratised language') оставался «таким же мифом, как свобода, равенство и многие другие хорошие вещи» при капитализме.

### *Заключение*

Изучение того, чем Бахтин был обязан ранней советской социолингвистике, даёт нам понять, в какой степени он пытался в 1930-е гг. интегрировать свои работы в советскую науку своего времени. Эти попытки продолжались достаточно длительное время, и работы Бахтина вплотную следовали за изгибами и поворотами тогдашней науки и в лингвистической, и в других сферах.

Наиболее оригинальные и, как я думаю, ценные идеи Бахтина могут быть найдены в его работах о романе 1930-х гг., но оригинальность не свойственна отдельным кирпичикам, из которых он возводит своё теоретическое

здание. Оригинальность скорее заключена в самой структуре его построений. Мы увидели здесь, что социология языка, центральная для бахтинского подхода к роману, в значительной степени заимствована у Якубинского, но Бахтин внедрил её в анализ романа, опирающийся на множество других источников, включая русских формалистов, Веселовского, Кассирера, марризм, Лукача, Гегеля и немецких романтиков. Пути, по которым двигалась вперёд его теория, тесно связаны с дискуссиями, проходившими в советской науке того времени, и это стало ещё заметнее с подъёмом национализма в конце 1930-х. Хотя работы Бахтина по-прежнему находились в русле немецкой идеалистической традиции, определявшей специфику его философского мировоззрения, способы применения этой традиции в конкретных работах были сформированы советским контекстом, в рамках которого Бахтину приходилось действовать. Более того, советские учёные, с которыми Бахтин был связан (такие, как Мэпп, Фрейденберг, Якубинский, Жирмунский и Ларин) и научное наследие которых все еще требует основательного изучения, и сами перерабатывали немецкие идеи в советском контексте. Если мы задаемся целью понять сущность статей Бахтина 1930-х гг. и оценить степень оригинальности его научного вклада, нам придётся принять во внимание и немецкую, и специфически советскую стороны его окружения. Но если мы заинтересованы в понимании обсуждавшихся здесь явлений и в правильной оценке значения и исторических контуров советской науки, нам не следует концентрировать своё внимание на одном только Бахтине. Работы Бахтина лучше трактовать как ценный вклад в диалогический процесс, масштабность которого заставит казаться не столь значительными работы его самого.

<sup>1</sup> Л. Пумпянский утвердительно ссылается на яфетидологию Марра в 1922 году (см: *Пумпянский Л.В.* (2000 [1922]) *Лермонтов // Пумпянский Л.В.* Классическая традиция: собрание трудов по истории русской литературы. М.: «Языки русской культуры», 2000, с.621). Бахтин в лекциях с уважением отзывался о Марре как «значительном учёном» и основателе лингвистической палеонтологии даже в своих лекциях 1958 года (*Бахтин М.М.* (1999 [1958]) *Лекции по истории зарубежной литературы.* Саранск: Издательство Мордовского университета, 1999, с.89).

<sup>2</sup> О том, насколько влиятельны были идеи Марра, особенно в годы незадолго и после его смерти, см.: *Алматов В.М.* История одного мифа: Марр и марризм. М.: «Наука», 1991 и Yuri Slezkine ‘N.Ia.Marr and the National Origins of Soviet Ethnogenetics’ // «Slavic Review», 1996, vol.55, №4, pp.826-62

<sup>3</sup> См.: *Франк-Каменецкий И.Г.* Первобытное мышление в свете яфетической теории и философии // «Язык и литература». Вып.3. Л.: 1929, с.70–155; *Десницкая А.В.* О роли антимарксистской теории происхождения языка в общей системе взглядов Н.Я.Марра // Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании. Издание подготовили Виноградов В.В. и Серебренников Б.А. Т.3. М.: Издательство АН СССР, 1951, с.55).

<sup>4</sup> О влиянии Франк-Каменецкого и Фрейденберг см.: Tihanov G. *The Master and the Slave: Lukács, Bakhtin, and the Ideas of their Time:* Oxford: Oxford University Press, 2000 и Brandist C. *The Bakhtin Circle: Philosophy, Culture and Politics.* London: Pluto Press, 2002.

<sup>5</sup> Цит. по: *Базылев В.Н., Нерознак В.П.* Традиция, мерцающая в толще истории // Сумерки лингвистики: из истории отечественного языкознания. М.: «Академия»,

2001, с.18.

<sup>6</sup> *Зиндер Л.П., Строева Т.В.* Институт речевой культуры и советское языкознание 20–30-х годов // *Язык и речевая деятельность*. 1999. Вып.2, с.206.

<sup>7</sup> Этот журнал имел всесоюзное распространение и описывался как журнал, преследующий образовательные цели; судя по всему, он должен был быть доступен в педагогическом и учительском институтах города. О жизни Бахтина в Кустанае см.: *Конкин С.С., Конкина Л.С.* Михаил Бахтин: Страницы жизни и творчества. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1993, с.202–226.

<sup>8</sup> *Волошинов В.Н.* Стилистика художественной речи // «Литературная учёба», №2, с.48–66; №3, 65–87; №5, с.43–59.

<sup>9</sup> См.: *Леонтьев А.А.* Жизнь и творчество Л.П.Якубинского // *Якубинский Л.П.* Избранные работы: Язык и его функционирование. М.: «Наука», 1986, с.7.

<sup>10</sup> *Жирмунский В.М.* Методика социальной географии (диалектология и фольклор в свете географического исследования) // *Язык и литература*. Вып.8. Л., с.85; *Жирмунский В.М.* Проблема фольклора // Сергею Фёдоровичу Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной деятельности. 1882–1932. Л.: Издательство Академии наук, 1934, с.198; *Жирмунский В.М.* Национальный язык и социальные диалекты. Л.: «Художественная литература», 1936, с.3.

<sup>11</sup> Детальное сопоставление идей Волошинова и Якубинского о диалоге см. в статье Ивановой (*Иванова И.С.* Концепция диалога в работах Л.П.Якубинского и В.Н.Волошинова (К вопросу о взаимосвязи). *Язык и речевая деятельность*. Вып.3. 2000). Что касается их отношения к Соссюру, ср. ретроспективную критику

Волошиновым Соссюра в «Марксизме и философии языка» (см.: *Волошинов В.Н.* Марксизм и философия языка. // *Волошинов В.Н.* Философия и социология гуманитарных наук. Санкт-Петербург: «Аста Пресс», 1995, с.279–298) с критикой Якубинского в докладе, прочитанном в ИЛЯЗВе в 1927 году, когда Волошинов там был аспирантом (см.: *Якубинский Л.П.* Ф. де Соссюр о невозможности языковой политики // *Якубинский Л.П.* Избранные работы: язык и его функционирование..., с.71–82).

<sup>12</sup> *Якубинский Л.П.* О работе начинающего писателя над языком своих произведений // «Литературная учёба», 1930, №1, с.34–43.

<sup>13</sup> См. название второй статьи Якубинского из этой серии: *Якубинский Л.П.* О языковой ответственности писателя // «Литературная учёба», 1930, №2, с.32–47.

<sup>14</sup> Полный отчёт о работах Марра не входит в задачи данной статьи. Более полный обзор см. *Алпатов В.М.* История одного мифа: Марр и марризм..., с.32–78; Lawrence L. Thomas (1957) *The Linguistic Theories of NJa Marr* Berkeley: University of California Press, 1957.

<sup>15</sup> «Стадиальная теория» Марра всегда отличалась эклектизмом. Первоначально она возникла из комбинации идей, заимствованных, среди прочих, у Вильгельма Вундта, Людвига Нуаре, Александра Веселовского и Люсьена Леви-Брюля, но была дополнена идеями Эрнста Кассирера в 1920-е гг.

<sup>16</sup> См.: *Adamska-Saiaciak A.* *Jan Baudouin de Courtenay's Contribution to Linguistic Theory* // «Historiographia Linguistica», 1998, vol.XXV, №1/2, p.45. Бодуэн постоянно повторял, что лингвистика должна уделять больше внимания социологии, и демонстрировал своё уважение к ранним работам Марра. См., к примеру: *Baudouin de Cour-*

tenay J. *A Baudouin de Courtenay Anthology: The Beginnings of Structural Linguistics*, trans. E. Stankiewicz, Bloomington: Indiana University Press, 1972, pp.303–304. Существенно также, что и Ларин, и Жирмунский рассматривали себя учениками Бодуэна.

<sup>17</sup> Brandist C. *Voloshinov's Dilemma: On the Philosophical Roots of the Dialogic Theory of the Utterance* in Craig Brandist et al (eds.) *The Bakhtin Circle: In the Masters' Absence* (Manchester: Manchester University Press), 2004, p.116.

<sup>18</sup> Иванов А.Н., Якубинский Л.П. Очерки по языку. Л.: «Художественная литература», 1932, с.62.

<sup>19</sup> Там же.

<sup>20</sup> Это также соответствует бухаринскому определению идеологии как «связных систем образов, мыслей, правил поведения и т.д.», таких как «наука и искусство, право и мораль и т.д.», которое было усвоено Волошиновым и Медведевым. См.: Бухарин Н. Теория исторического материализма. М., Пг.: Госиздат, 1923, с.240. И Волошинов, и Медведев оба рассматривали философию языка и литературоведение как ответвления «науки об идеологиях». (См., например: Бахтин М.М. (Медведев П.Н.) (1993 [1928]) *Формальный метод в литературоведении*. М.: «Лабиринт», 1993, с.45). О влиянии Бухарина на Волошинова см. Tihanov G. *The Master and the Slave: Lukács, Bakhtin, and the Ideas of their Time...*, pp.85–95).

<sup>21</sup> Иванов А.Н., Якубинский Л.П. Очерки по языку..., с.62–63)

<sup>22</sup> Якубинский Л.П. Классовый состав современного русского языка: язык крестьянства. Статья четвёртая // «Литературная учёба», 1930, №4, с.85.

<sup>23</sup> Там же, с.86–88.

<sup>24</sup> Коллега Якубинского по ИЛЯЗВу Лев Щерба предложил такую же формулировку уже в 1915 году: «Всякий монолог является в сущности зачаточной формой “общего”, нормализованного, распространяющегося языка; язык “живёт” и изменяется главным образом в диалоге» (*Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике* Ленинград: Издательство Ленинградского университета. 1958, с.36).

<sup>25</sup> *Якубинский Л.П.* Классовый состав современного русского языка: язык крестьянства. Статья четвёртая ..., с.89–90.

<sup>26</sup> Там же, с.91–92.

<sup>27</sup> *Якубинский Л.П.* Классовый состав современного русского языка: язык крестьянства. Статья четвёртая // «Литературная учёба», 1930, №6, с.51.

<sup>28</sup> Там же, с.58–62.

<sup>29</sup> *Якубинский Л.П.* Классовый состав современного русского языка: язык пролетариата. Статья пятая // «Литературная учёба», 1931, №7, с.24.

<sup>30</sup> Там же, с.32–33.

<sup>31</sup> См.: *Якубинский Л.П.* О научно-популярном языке // «Литературная учёба», 1931, №1.

<sup>32</sup> *Якубинский Л.П.* Русский язык в эпоху диктатуры пролетариата // «Литературная учёба», 1931, №9, с.74.

<sup>33</sup> Там же, с.71.

<sup>34</sup> *Бахтин М.М.* Слово в романе // *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: «Художественная литература», 1975, с.85.

<sup>35</sup> См. об этом: *Бодуэн де Куртене И.А.* Некоторые общие замечания о языковедении и языке // *Бодуэн де Куртене И.А.* Избранные труды по общему языкознанию.

М.: Издательство Академии наук СССР, 1963, с.58–60; *Безлепкин Н.* Философия языка в России: к истории русской лингвофилософии. СПб.: «Искусство», 2001, с.131–132). Ларин, другой ученик Бодуэна в ИЛЯЗВе, особенно интересовался работами Шахматова как предшественника своей диалектологии, о которой см. *Корнев А.И.* Б.А.Ларин и русская диалектология // Вопросы теории и истории языка. Под редакцией П.А.Дмитриева и Ю.С.Маслова. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1969, с.17.

<sup>36</sup> Wundt W. *Ethics in 3 Volumes* (1907-8) (trans. M.F. Washburn, London: Swan Sonnenschein) Vol.I, pp.262–263; vol.III, pp.269–272.

<sup>37</sup> См.: Oldenburg S.F. *Le conte dit populaire, problèmes et méthodes* // «Revue des études slaves», 1929, №9, pp.234–235; Howell D.P. *The Development of Soviet Folkloristics* (New York and London: Garland, 1992, p.173.

<sup>38</sup> *Бахтин М.М.* Слово в романе..., с.72–73.

<sup>39</sup> О проблемах, характерных для французских переводов, см.: Zbinden K. *Traducing Bakhtin and Missing Heteroglossia* // «Dialogism», 1999, №2, pp.41–59.

<sup>40</sup> *Бахтин М.М.* Слово в романе..., с.121.

<sup>41</sup> Там же, с.86.

<sup>42</sup> Там же, с.84. Понятие «идеологически наполненный» язык в данном случае у Бахтина означает «речь», и это сбивает с толку. В работе о речевых жанрах (начало 1950-х гг.) его разделение между языком и речью становится гораздо яснее.

<sup>43</sup> Некоторые записи Бахтина, отразившие его работу в сфере лингвистики в начале 1950-х гг., были опубликованы (*Бахтин М.М.* [1953] Проблема речевых жанров // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. Т.5. М.: «Русские словари», 1996, с.159–207). Недавно они были

дополнены некоторыми записями 1957 года, в которых Бахтин систематически отмечает различие между языком и речью (Бахтин М.М. [1957]) Язык и речь // «Диалог. Карнавал. Хронотоп», 2001, №1, с.23–31).

<sup>44</sup> Якубинский Л.П. О диалогической речи // Якубинский Л.П. Избранные работы: язык и его функционирование..., с.31–34). Волошинов эпизодически использует этот термин в «Марксизме и философии языка», но он остаётся неразвитым и не связанным с историческим анализом (Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. // Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук..., с.314–5).

<sup>45</sup> В своём подробном комментарии к этой работе редакторы академического собрания сочинений не сумели указать этот источник, отметив только, что на Бахтина, возможно, повлияла работа Якубинского 1923 года о диалоге, из которой он заимствовал термин «речевое общение» (Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т.5..., с.543).

<sup>46</sup> Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т.5..., с.165. Марр утверждал, что «язык является приводным ремнем в области надстроечной категории общества» (цит. по.: Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм..., с.35).

<sup>47</sup> Бахтин М.М. Из предыстории романного слова // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики..., с.426.

<sup>48</sup> Ларин Б.А. О лингвистическом изучении города // «Русская речь», 1928, №3, с. 61–74.

<sup>49</sup> См.: Веселовский А.Н. Греческий роман // Веселовский А.Н. Избранные статьи. Л.: «Художественная литература», 1939, с.23–69; Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л.: «Художественная литература», 1940; Georg

Misch *A History of Autobiography in Antiquity* (2 vols.; trans E.W. Dickes; London: Routledge & Kegan Paul, 1950, vol.1, p.69. По-видимому, существенно, что Веселовский был важным и осознаваемым источником для работ Марра и что Жирмунский был редактором и автором предисловий к этим изданиям. См.: *Тамарченко Н.Д.* М.М.Бахтин и А.Н.Веселовский. (Методология исторической поэтики) // «Диалог. Карнавал. Хронотоп», 1998, №4, с.33–44; *Tihanov G.* *The Master and the Slave: Lukōcs, Bakhtin, and the Ideas of their Time...*, p.149–150); *Brandist C.* (1999) *Bakhtin's Grand Narrative: The Significance of the Renaissance* // «Dialogism», №3, pp.11–30.

<sup>50</sup> *Бахтин М.М.* Из предыстории романного слова..., с. 427.

<sup>51</sup> *Бахтин М.М.* Слово в романе..., с.222.

<sup>52</sup> *Николаев Н.И.* Судьба идеи Третьего возрождения // Моисеион: Профессору Александру Иосифовичу Зайцеву ко дню семидесятилетия. СПб, 1997, с.343-50.

<sup>53</sup> *Бахтин М.М.* Слово в романе..., с.220–221.

<sup>54</sup> Там же, с.211.

<sup>55</sup> *Бахтин М.М.* Из предыстории романного слова..., с. 435.

*Шеффилд, Великобритания*

*Авторизованный перевод с английского Н.А.Панькова*